

СОВЕТСКИЙ ВЕК

Юрий
Жуков

НАРОДНАЯ
ДЕРЖАВА
СТАЛИНА

Советский век

Юрий Жуков

Народная держава Сталина

«Алисторус»

2024

УДК 327(1-87)

ББК 66.4(4/8)

Жуков Ю. Н.

Народная держава Сталина / Ю. Н. Жуков — «Алисторус»,
2024 — (Советский век)

ISBN 978-5-00222-081-6

Были ли репрессии 1937 года «сталинскими»? Нет. Это один из многочисленных мифов, которыми обросло все время правления Иосифа Сталина. Либералы и демократы исказили историю СССР, особенно 1930-х годов, хотя для ее понимания нужен объективный взгляд. Факты говорят сами за себя: в этот период коренным партийным реформам Сталина противостояли не только извне, но и изнутри. Партийная элита, в особенности региональная, не была готова к каким бы то ни было изменениям. Более того, она всячески противостояла им, получая внешнюю поддержку. Репрессии стали следствием этой сложной внутрипартийной борьбы, и инициировал их вовсе не Сталин. Эта книга поможет вам проследить, как развивались события в 1930-е годы, узнать малоизвестные факты о предвоенном десятилетии и посмотреть на него по-настоящему беспристрастно.

УДК 327(1-87)

ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-081-6

© Жуков Ю. Н., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Часть 1	8
Часть 2	15
Часть 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Жуков

Народная держава Сталина

© Жуков Ю. Н., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

**Юрий
Жуков**

**НАРОДНАЯ
ДЕРЖАВА
СТАЛИНА**

Москва
издательство
РОДИНА
2024

Часть 1

Необходимость пересмотра старых доктрин

Межвоенное двадцатилетие... Термин этот давно устоялся, прочно вошел в словари историков и политологов. Определяется же он двумя датами: подписанием победителями в Первой мировой войне, странами Антанты 28 июня 1919 года в Версале мирного договора с побежденной Германией, только что ставшей республикой, – и нападением нацистской Германии 1 сентября 1939 года на Польшу, что послужило началом Второй мировой войны.

Но Версальский мир оказался на редкость хрупким, непрочным. В действительности продлился не два десятилетия, а всего одно. Во всяком случае, для Восточной Азии. Японию, практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний – Каролинских, Марианских и Маршалльских островов в Тихом океане, порта Цзяо-чжоу (Кяочао) на китайском Шандунском полуострове. В ночь на 19 ноября 1931 года, воспользовавшись как предлогом взрывом полотна Южно-маньчжурской железной дороги (ЮМИД) под проходившим японским воинским эшелоном, Токио отдал приказ разоружить китайские гарнизоны во всех городах вдоль ЮМЖД и занять их. Лидер партии гоминьдан и глава национального – нанкинского правительства Китая Чан Кайши запретил диктатору Трех восточных провинций (Маньчжурии) маршалу Чжан Сюэяну оказывать какое бы то ни было сопротивление захватчикам, дабы избежать расширения конфликта, перерастания его в войну. Однако японские вооруженные силы все же не ограничились лишь зоной ЮМЖД и оккупировали всю Маньчжурию. А 9 марта 1932 года объявили ее «независимым государством» Маньчжоу-Го, возглавляемым сыном последнего китайского императора Пу И.

Советско-японская граница, прежде практически морская, увеличилась почти вдвое – за счет появления весьма протяженного, от Владивостока чуть ли не до Читы, сухопутного участка. На нем почти сразу же разместилась мощная японская армейская группировка, генералы которой не скрывали своих агрессивных устремлений.

Но первыми расценили происшедшее как угрозу для СССР отнюдь не в Москве. Посланник США в Китае Джонсон сообщал 13 января 1932 года в государственный департамент: «Я все более и более убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше всего в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских... Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным».

Советское руководство, занятое нелегкими проблемами, связанными с индустриализацией, поначалу не захотело поверить в серьезность возникшей на Востоке угрозы и уповало на иное, безопасное для СССР развитие событий. Дело в том, что буквально накануне японской агрессии, 11 ноября 1931 года, в небольшом городе Жуйцин на юго-востоке Китая, открылся I Всекитайский съезд Советов. Он провозгласил образование Китайской советской республики, сформировал Совет народных комиссаров во главе с Мао Цзэдуном и Реввоенсовет, который возглавил Чжу Дэ. Советское правительство и руководство китайской компартии, узнав о событиях в Маньчжурии, тут же обратились к гоминьдану с предложением прекратить шедшую пять лет братоубийственную гражданскую войну и создать единый антияпонский фронт. Чан Кайши отклонил это предложение и бросил все имевшиеся в его распоряжение силы против советских районов. Однако те устояли, отразили нападение. Более того, 5 апреля 1932 года Китайская советская республика объявила Японии войну.

Как свидетельствуют факты, Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае. Приведет рано или поздно к образованию общего фронта коммуни-

стов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы. Потому-то Сталин попытался сделать все, лишь бы не провоцировать Токио. Предложил начать переговоры о продаже принадлежащей Советскому Союзу Китайской восточной железной дороги (КВЖД), потребовал полного прекращения «подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии»¹. И в то же время остался равнодушным к предложению национального, гоминьдановского Китая восстановить дипломатические отношения, разорванные еще в 1929 году, и заключить пакт о ненападении.

19 июня писал из Сочи, где он находился в отпуске, в Москву Молотову, что США «пытаются вовлечь нас лаской в войну Японией... Предложение нанкинцев о пакте ненападения – сплошное жульничество. Вообще нанкинское правительство сплошь состоит из жуликов», правда, на всякий случай сделал оговорку: «Это не значит, конечно, что мы не должны считаться с этими жуликами или их предложением о пакте ненападения»². Но уже через девять дней, скорее всего под влиянием наркома иностранных дел М. М. Литвинова, стал менять свое отношение к проблеме. 28 июня указал остававшимся в Москве членам узкого руководства Молотову, Кагановичу, Шилову и Орджоникидзе: «Согласен, что в отношении Нанкина нужна сдержанность, но позицию сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, – нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено. Поэтому сдержанность в отношении нанкинцев, а также американцев не должна превращаться в грубость и отталкивание, не должна лишать надежды на возможность сближения...»³.

Заняв такую – промежуточную – позицию, Сталин не спешил с принятием окончательного решения. Да, с его согласия в Москве заведующий 2-м восточным отделом НКВД Б. П. Козловский и в Женеве М. М. Литвинов начали вялотекущие переговоры с представителями национального Китая. На этих переговорах обсуждалась возможность восстановления полномасштабных дипломатических отношений, которые, мол, позволят позже вернуться к вопросу о пакте о ненападении. И лишь для того, чтобы оказать давление на Японию, 1 июля «Известия» оповестили мир о проходивших беседах. Но в то же время, и не менее официально, советское руководство оценило события в Жуйцине как важную победу тактики и стратегии Коминтерна. В тезисах по докладу О. В. Куусинена 12-му пленуму ИККИ, одобренным Сталиным 16 августа⁴, с нескрываемой гордостью отмечалось: «Наступил конец относительной стабилизации капитализма... В Китае – революционная ситуация, на значительной территории – победа советской республики... В Китае – массовый подъем антиимпериалистической борьбы, развертывание советского движения, крупные успехи героической китайской Красной армии...»⁵.

Только четыре месяца спустя Сталин отказался от надежды на скорую победу революции в Китае. 12 декабря 1932 года в Женеве М. М. Литвинов и глава китайской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Янь Хойцин обменялись нотами, объявившими о восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений между СССР и нанкинским правительством⁶, отношений Москвы с той самой властью,

---

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 208, 212.

² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995, с. 240–241.

³ Сталин и Каганович... с. 199–200.

⁴ Сталин и Каганович..., с. 281.

⁵ Цит. по: Пленум ускоренной подготовки к боям за власть, за диктатуру пролетариата. – Коммунистический интернационал. 1932, № 27, с. 4–6.

⁶ Известия. 1932, 13 декабря.

которая шестой год вела кровопролитную борьбу с коммунистами, с Китайской советской республикой. Правда, пакт о ненападении с Нанкином был заключен только 21 августа 1937 года, уже после открытого нападения Японии на Китай.

* * *

Еще более взрывоопасная ситуация начала складываться в Европе, а причиной тому стали события в Германии. На эту страну, как на самый надежный центр пролетарской революции, по-прежнему продолжали делать ставку Г. Е. Зиновьев и Н.И Бухарин. 14 октября 1928 года «Правда», редактируемая Бухариным, опубликовала подборку материалов без подписи «Какое дело русскому крестьянину до германской революции», в которой утверждалось: «Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получат громадный толчок к развитию. Только тогда наше сельское хозяйство получит дешевые и лучшие машины в нужном количестве и сможет дать такое количество продуктов, что хватит накормить с избытком не только двухсотмиллионное население (СССР и Германии. – Ю.Ж.), но и всю Европу».

В том же был непоколебимо уверен и Зиновьев. Две недели спустя в той же «Правде» заявлял: «Союз с победоносной пролетарской революцией (в Германии. – Ю. Ж.) может быстро и радикально обезвредить опасные стороны нашего нэпа. Союз пролетарской Германии и Советской России создал бы новую фазу нэпа, ускорил бы и упрочил бы развитие нашей государственной промышленности и подрезал бы в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего Союза Республик»⁷.

Практически то же утверждал Троцкий. «Мы сейчас, – писал он, – несомненно подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и мировых проблем является Германия»⁸.

Но четыре года спустя, в 1932-м, в Германии на прошедших внеочередных выборах в рейхстаг КПП оказалась на третьем по поддержке избирателей месте. После нацистов и социал-демократов. Такое же положение сохранилось и после новых выборов, прошедших 6 ноября. Коммунисты получили всего 100 мандатов из 608, социал-демократы – 121, нацисты – 196.

30 января 1933 года президент Гинденбург назначил канцлером Гитлера, поручил ему формирование правительства. 27 февраля нацисты инсценировали поджог рейхстага, обвинив в том коммунистов – лидера КПП Эрнста Тельмана, а также болгарских эмигрантов Димитрова, Попова и Танева. На следующий день Гитлер подписал декрет «Об охране народа и государства», которым приостанавливалось действие семи статей конституции, гарантирующих права и свободы граждан. 3 марта был арестован Эрнст Тельман. На еще одних, проведенных 5 марта, выборах нацисты в блоке с националистами сумели получить абсолютное большинство голосов. Спустя шесть недель были распущены профсоюзы, а затем и все, кроме нацистской, политические партии.

В Германии, где так и не произошла пролетарская революция, победил, придя к власти чисто демократическим путем, нацизм с его никогда не скрываемой доктриной ревизии Версальского договора, реванша, а также намерением расчленив СССР, превратить Украину и Белоруссию в «жизненное пространство» только для немцев.

---

⁷ Зиновьев О. Проблемы германской революции. Статья 9. – Правда. 1923, 31 октября.

⁸ Троцкий Л. Малое и большое. – Правда. 1923, 18 октября.

* * *

Первой реакцией на события в Германии стало выступление министра иностранных дел Франции Жозефа Поля Бонкура в Женеве на заседании политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений, вырабатывавшей определение агрессии. Он поднял вопрос о столь же важной, с его точки зрения, назревшей необходимости заключения пакта о взаимопомощи в случае агрессии. Закончив речь, демонстративно подошел к полпреду СССР во Франции В. С. Довгалеvскому и пожал его руку. Выразил тем без слов, с кем его страна желала бы заключить такой пакт⁹. Ту же идею, но уже от имени Малой Антанты – Чехословакии, Румынии и Югославии, изложил 8 марта министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш в беседе с представителем СССР в Праге А. Я. Аросевым. Однако всего десять дней спустя он, из-за якобы выявившегося отрицательного отношения к пакту Румынии, попросил «считать его предложение и весь вопрос не существующим»¹⁰.

В действительности Бенеш лукавил, ибо истинной причиной его отказа от собственных слов оказалось иное. В тот день, 18 марта, Муссолини предложил Великобритании, Франции и Германии заключить Пакт четырех – «пакт согласия и сотрудничества». Пакт, предусматривающий возможность, прежде всего, пересмотра условий Версальского мирного договора, признание равенства прав Германии в области вооружений, а кроме того, принятие в будущем аналогичных решений в отношении остальных проигравших войну центральных держав – Австрии, Венгрии и Болгарии. Почти сразу же против сущности Пакта четырех выступили Польша и страны Малой Антанты, не без основания опасавшиеся ревизии своих границ. А вскоре ту же позицию заняла и Франция, осознавшая весьма опасные последствия и для себя. Поэтому пакт, хотя и подписанный 15 июля 1933 года в Риме Муссолини и послами Франции – де Жувенилем, Великобритании – Грэхемом и Германии – фон Хасселем, так и не был ратифицирован ни в одной из четырех стран.

Обеспокоенная становившейся все более и более несомненной угрозой со стороны Рейна, Франция начала свою игру. Шестого июля М. М. Литвинов сообщил шифротелеграммой лично Сталину о том, что французский премьер Эдуард Эррио и Поль Бонкур, причем каждый порознь, информировали его о подготовке германо-польских переговоров.

Эррио и Поль Бонкур сообщили о том, что 2 мая 1933 года при встрече Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии фон Нейрата, с польским посланником Высоцким, обсуждались возможности заключения между двумя странами пакта о ненападении. А 15 ноября состоялась еще одна встреча Гитлера – с послом Польши Липским, в ходе которой было выявлено «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров»¹¹.

Оставалось слишком мало сомнений в том, что Варшава намеревается сменить ориентацию с Парижа на Берлин. Но если она все же поступит именно так, то нарушит равновесие, созданное в Европе. Ликвидирует ту военно-политическую систему, которая и обеспечивала безопасность Франции, угрожая Германии в случае агрессии войной на два фронта. Не могло серьезно повлиять на меняющуюся ситуацию и то, что Чехословакия отклонила предложение Гитлера решить судетскую проблему также путем только двусторонних переговоров. Парижу срочно потребовался более сильный союзник, и непременно к востоку от жаждавшей реванша нацистской Германии.

---

⁹ «Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970, с. 142, 816.

¹⁰ Там же, с. 151, 159, 812, 817.

¹¹ «Документы внешней политики СССР... с. 846, 869; Известия. 1933, 5 мая.

Именно поэтому 19 ноября Поль Бонкур встретился в Женеве с Довгалевским. Поведал ему о нажиме, «которому подвергается Франция со стороны Англии и Италии в смысле дальнейших уступок Германии и перевода переговоров на рельсы Пакта четырех». Выходом из тупикового положения было бы, по его мнению, вступление СССР в Лигу Наций.

Не имея необходимых полномочий, советский полпред вынужден был дать на такое недвусмысленное предложение отрицательный ответ. Однако глава внешнеполитического ведомства Франции не оставил своих попыток. В ходе новой встречи с Довгалевским, 22 ноября, еще раз вернулся к тому же вопросу, только на этот раз был более откровенно. «Если бы французское общественное мнение, – заметил он, – узнало и убедилось бы в том, что Франция может осуществить положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это внесет успокоение в общественное мнение и выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией». Барьер же Поль Бонкур представлял себе «в виде договора о взаимопомощи» и считал «вопрос назревшим и не терпящим отлагательств»¹².

В тот же день на помощь своему французскому коллеге поспешил Бенеш. Правда, он говорил еще не о договоре, а лишь о том, что должно было ему предшествовать. Об установлении дипломатических отношений СССР со странами Малой Антанты, в том числе и с Чехословакией, с которой Советский Союз поддерживал всего лишь официальные «полудипломатические» отношения. Добавил, что «в Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей»¹³.

Советскому руководству потребовалось принять судьбоносное решение. Такое, которое в корне меняло не только внешнеполитический курс страны, но и стратегию, тактику Коминтерна, а вместе с тем и внутривластную пропаганду. Ведь требовалось дать согласие на вступление не просто в какую-то международную организацию, а в Лигу Наций. Ту самую, которую определяли следующим образом: «Ничем не прикрытый инструмент империалистических англо-французских вождельств. Антанта направляет работу Лиги Наций сообразно своим хищническим интересам... Замаскированный союз так называемых великих держав, присвоивших себе право распоряжаться судьбами более слабых народов и подготавливающих военные действия для дальнейшего их угнетения... Лига Наций – опасный инструмент, направленный своим острием против страны диктатуры пролетариата»¹⁴.

29 ноября 1933 года Н. Н. Крестинский, в отсутствие М. М. Литвинова (готовившего в Вашингтоне установление дипломатических отношений с США) руководивший Наркоминделом, сообщил Довгалевскому: «Вопрос о Лиге Наций считаем дискуссионным и согласны обсудить. Но при этом у нас будут существенные оговорки, которые изложим при конкретных переговорах, если таковые будут иметь место. Вопрос о взаимопомощи также считаем дискуссионным и не прочь выслушать конкретные предложения. Можете на основании директив (решения Политбюро. – Ю. Ж.) начать беседу с Бонкуром»¹⁵.

К переговорам приступили уже 5 декабря. Бонкур, естественно, прежде всего спросил Довгалевского, не может ли тот «сказать что-либо нового по поводу Лиги Наций», но услышал вынужденно невнятный – выработанный в Москве – ответ: «жду... конкретных предложений». Министру иностранных дел Франции, привыкшему к иному ходу такого рода бесед, пришлось заметить, что он «затрудняется сделать предложение, ибо ему не ясно», что под тем подразумевает собеседник. Но все же постарался объяснить свой настойчивый интерес к теме. Вступ-

---

¹² Документы... т. XVI, с. 682–684.

¹³ Документы... т. XVI, с. 684–685.

¹⁴ Малая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1929, кол. 631–632.

¹⁵ Документы... т. XVI, с. 695.

ление Советского Союза в Лигу Наций, сказал Поль Бонкур, «весьма облегчило бы переговоры о взаимопомощи, которые в противном случае будут очень затруднены, ибо взаимопомощь не будет гармонировать с пактом Лиги Наций, не говоря уже о том, что Польше будет трудно увильнуть от участия в договоре о взаимопомощи, если СССР станет членом Лиги»¹⁶. Так он, хотя и контурно, обозначил суть замысленной на Кэ д'Орсе идеи. Подписание договора о взаимопомощи Франции, Советского Союза, Польши, стран Малой Антанты в случае нападения на одну из них Германии, обуславливалось непременно вступлением СССР в Лигу Наций.

* * *

В создании европейской системы безопасности Москва была заинтересована не меньше Парижа, ибо такая система снимала для страны ставшую вполне реальной угрозой войны на два фронта (на Западе и на Востоке). И потому не возникло бы никаких проблем при решении такой задачи, если бы не необходимость вступать для того в еще вчера осуждаемую и проклинаемую Лигу Наций. Только это, одно лишь это и порождало немыслимые сложности. Требовалось сделать выбор: либо старые доктрины, либо гарантия безопасности СССР. Сделать же выбор следовало очень быстро, ибо любая затяжка оттолкнула бы Париж, вынудила бы его поддержать Пакт четырех, подтолкнув тем самым Германию к агрессии против Советского Союза.

И выбор был сделан. 11 декабря 1933 года нарком иностранных дел СССР поспешил известить советского полпреда в Париже: «Мы взяли твердый курс на сближение с Францией»¹⁷. Литвинов чуть-чуть поторопился, на неделю опередив событие. Окончательно решение ПБ о согласии СССР вступить в Лигу Наций формально было принято 19 декабря 1933 года в присутствии Литвинова и Довгалева, срочно вызванного в Москву¹⁸. Оно гласило: «Дать тов. Довгалева для ответа Бонкуру следующие директивы: 1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. 3. СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши. 4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлению Франции, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения. 5. Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу».

Так были сформулированы те детали будущего, пока еще проблематичного пакта, которые в любом случае должны были закрепить тесные отношения Советского Союза с Францией, а кроме того, предусматривали помощь и на случай нападения Японии. Помимо этого, но уже чисто декларативно, всего лишь как необходимая дань идеологии, классовым позициям, были занесены в «директиву» и те условия вступления СССР в Лигу наций, на выполнение которых ПБ просто не могло рассчитывать. Среди них – арбитраж «лишь по спорам, которые... будут иметь место после вступления Союза в Лигу»; исключение из статуса Лиги Наций санкционирования войны для решения международных споров; отмена мандатного управления вели-

---

¹⁶ Там же, с. 724–725.

¹⁷ Документы... т. XVI, с. 736; Исторический архив. 1995, № 2, с. 199.

¹⁸ Исторический архив. 1995, № 2, с. 200.

кими державами ряда территорий; обязательность «для всех членов Лиги расового и национального равноправия»¹⁹.

В полном соответствии с указаниями из Москвы, 28 декабря Довгалецкий изложил советские условия Полю Бонкуру, который сразу же согласился с большинством из этих предложений. Одобрил перечень участников будущего пакта, но подчеркнул: «Самое существенное – это СССР, Польша, Франция и Чехословакия». Возразил лишь против материальной помощи, о которой речь шла в 5-м пункте условий, аргументировав свою позицию «тем, что помощь военными материалами может создать презумпцию участия в конфликте». Правда, тут же заметил: «Как эти его замечания, так и последующие являются только первой реакцией», – и просил не считаться с ними²⁰. Подразумевал, что отныне только и начинаются настоящие переговоры о создании Восточного пакта.

«Директивы» Довгалецкому занесли в «особую папку» решений ПБ, что означало право знакомства с ними лишь для нескольких человек, призванных претворять их в жизнь, и недоступность их для всех остальных членов ЦК. Несмотря на это, Сталин поспешил разгласить тайну, взял на себя возможное негодование со стороны противников вступления страны в Лигу Наций. Уже 25 декабря Сталин принял корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти, дав ему интервью. И намекнул американскому журналисту на секретное решение.

«ДЮРАНТИ: Всегда ли исключительно отрицательна ваша позиция в отношении Лиги Наций?»

СТАЛИН: Нет, не всегда и не при всяких условиях... Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги Наций (19 октября и 27 марта 1933 года соответственно. – Ю. Ж.) – или, может быть, именно поэтому – Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки».

---

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001, с. 305–306.

²⁰ Документы... т. XVI, с. 772–773.

Часть 2

Доклад Сталина на XVII съезде ВКП(б).

Принципиально новые положения советской политики

4 января 1934 года все центральные газеты Советского Союза опубликовали это интервью. А спустя три недели в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Открылся традиционным отчетным докладом Сталина о работе ЦК за истекшие три с половиной года. Тот же, в свою очередь, начался с неизменной для такого рода докладов характеристики международного положения. Но Сталин ни словом не обмолвился о самом главном, наиболее значимом: об уже предрешенном и единственно возможном повороте во внешней политике.

Скорее всего, Сталин расценил отсутствие какой-либо реакции на свои слова о вроде бы возможной «поддержке» Лиги Наций либо как полное непонимание смысла сказанного, либо как нежелание ортодоксальных кругов партии начинать дискуссию по этому поводу. И потому заговорил о более привычном для слушателей, о том, что от него ждали – о революционной ситуации. Правда, в отличие от оценок, данных 12-м пленумом ИККИ, отметил: революционный кризис только назревает, а чуть позже выразился еще более осторожно – он будет назревать. Затем, как то бывало уже не раз, напомнил об угрозе войны и пообещал делегатам: в случае нападения империалистических держав на СССР «отечество рабочего класса всех стран», его «многочисленные друзья... в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям»²¹. Таким весьма прозрачным эвфемизмом продемонстрировал свою твердую веру в пролетарскую солидарность.

Вместе с тем, прозвучали в докладе и явно новые, необычные ноты. Говоря о росте фашизма, о его победе в Германии, Сталин многозначительно заметил: «Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей»²². Впервые обозначил вполне возможную, с его точки зрения, альтернативу мировой революции. И даже не мирный путь компартий к власти, а лишь использование парламентов для защиты интересов трудящихся – то, что до сих пор большевиками и Коминтерном напрочь отвергалось как реформизм.

Затем, вернувшись вдруг к внутренним проблемам, Сталин перечислил по значимости то, на что СССР может рассчитывать в сложившейся международной обстановке. На первое место поставил экономическую и политическую мощь страны, только потом – поддержку трудящихся за рубежом. Но не ограничился учетом классовой солидарности, а тут же присоединил к ней не менее, судя по контексту, значимое – наличие стран, не заинтересованных в развязывании новой войны, имея в виду прежде всего Францию. На последнее же место поставил Красную армию, признав тем ее слабость, порожденную отсутствием современного вооружения, так как оборонную промышленность лишь предстояло создать – в ходе выполнения второго пятилетнего плана.

Судя по всему, действительно значимыми, даже решающими в конкретных условиях Сталин полагал усилия советской дипломатии, проводившей «кампанию за заключение пакта о ненападении». Объяснил такую оценку тем, что между Советским Союзом и некоторыми странами Запада – опять же Францией, а также и Польшей «нежелательные отношения начинают постепенно исчезать... Атмосфера, заряженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться». И сделал отсюда логический вывод, вновь намекнув на близкий поворот внешне-

---

²¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 8, 11–12.

²² Там же, с. 11.

политического курса. «Если интересы СССР, – сказал Сталин, – требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний»²³.

Однако и этого показалось Сталину мало, и он твердо произнес ранее немислимое, просто невозможное. Отныне единственной для ВКП(б) задачей должно было стать отстаивание, обеспечение национальной безопасности страны, а не становившейся все более прозрачной идеи пролетарской солидарности и связанных с нею интересов мировой революции. «Мы, – предельно однозначно пояснил Сталин, – ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»²⁴.

О грядущих вскоре переменах свидетельствовали и многие иные положения доклада Сталина. В том числе итоговая оценка сложившихся социально-экономических отношений: «Удельный вес социалистической системы хозяйства в области промышленности составляет в настоящее время 99 процентов, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур, – 84,5 процента... Социалистический уклад является безраздельно господствующей и командующей силой во всем народном хозяйстве»²⁵. Следовательно, подразумевал докладчик, настало время не просто заявить о завершении нэпа, но и сделать соответствующие политические выводы, зафиксировать отмеченные сдвиги со всеми вытекающими юридическими и идеологическими последствиями.

Столь же многозначительным оказался и тот раздел доклада, который был посвящен собственно партии, положению в ней. Начал Сталин с констатации восстановления ее единства. Сказал, что «разбиты и рассеяны» троцкисты, правые уклонисты и национал-уклонисты, олицетворением последних сделал Н. А. Скрышника – члена ЦК и ИККИ, наркома просвещения УССР, покончившего с собою в июле 1933 года. Лишь упомянул, не назвав поименно, «его группу», к которой следовало отнести писателей Н. Хвывевого с его открытым призывом «Прочь от Москвы!», П. Гирняка, М. Ялового (Юлиана Шпола), историков М. Яворского, М. Равича-Черкасского, философа В. Юринца, филологов Е. Курило, Е. Тимченко, театрального режиссера Л. Курбаса, некоторых иных, незадолго перед тем обвиненных П. П. Постышевым в пропаганде национализма²⁶.

Просто перечислив троцкистов, правых, национал-уклонистов, Сталин почему-то не вспомнил о громких, достаточно хорошо известных партии конкретных политических делах, заставивших ПБ и ЦК в октябре 1932 – апреле 1933 года, то есть как раз за отчетный период, принимать специальные постановления. Как бы забыл о деле «контрреволюционной группы», она же «Союз марксистов-ленинцев» М. Н. Рютина, П. А. Галкина, М. С. Иванова, иных партфункционеров, подготовивших манифест «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)», написанных с откровенно правых позиций и содержавших чисто фракционную критику проводимого сталинской группой курса.

Не упомянул докладчик и о высылке в октябре 1932 года Зиновьева в Кустанай и Каменева в Минусинск, правда, возвращенных в Москву год спустя.

Всерьез говорить о только что нанесенном сокрушительном ударе по правым Сталин не стал, явно не желая обострять положения. Сосредоточил внимание делегатов съезда на ином: на «путанице по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп». Но, заняв умеренную позицию, Сталин ограничился тем, что предложил всего только «поднять теоретический уровень партии на должную высоту...

²³ XVII съезд..., с. 13–14.

²⁴ Там же, с. 14.

²⁵ XVII съезд..., с. 15–16.

²⁶ Подробнее см.: *Костюк Г.* Сталинизм на Украине. (на укр. языке). Киев, 1995, с. 164–198; *Субтельный О.* Украина. История. Киев, 1994, с. 494.

Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма»²⁷.

* * *

Сталин обрушился в праведном гневе на иного врага – на безликую и нефракционную опасность, на бюрократизм. «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, – провозгласил Сталин, – болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики – вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности».

И почти сразу же уточнил резкую, но поначалу общую мысль: «Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением в должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину»²⁸.

Говоря так, Сталин уже не оставил сомнения у слушателей, что имеет в виду в равной степени руководителей и партийных, и советских, всех. Без различия чинов и рангов.

По сути, ту же мысль, хотя и не полностью и несколько своеобразно, продолжил докладом по оргвопросам Л. М. Каганович В своих построениях он исходил из двух решающих факторов. Во-первых, успехов индустриализации, во-вторых, из наличия не доставшихся «в наследство» от прошлого, а собственных, воспитанных и обученных за годы советской власти специалистов. «Шахтинский процесс, как все последующие процессы, – отметил Лазарь Моисеевич, – вскрыл, что многие из наших коммунистов – руководящих работников, не зная техники, не пытаясь овладеть ею (здесь Каганович имел в виду специальное среднее и высшее образование. – Ю. Ж.), слепо доверялись этим (старым. – Ю. Ж.) специалистам, работали как «комиссары» худшего типа». Ну, а теперь же положение изменилось, «Советский Союз превратился в страну массового технического образования... Молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы в годы первой пятилетки, составляют более половины всех специалистов»²⁹.

Потому-то, а также исходя из вполне обоснованного дальнейшего роста как промышленности, так и числа новых специалистов, Каганович объявил об очередной реорганизации структуры партаппарата. О переходе в ней к производственно-отраслевому принципу. И для ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, и для ЦК ВКП(б). К той структуре, которая предполагала в самое ближайшее время максимально использовать, вобрав в себя, коммунистов не с «прошлыми заслугами», а обладающих высшим образованием.

Существовавшие с лета 1930 года функциональные отделы ЦК ВКП(б) – организационно-инструкторские, административно-хозяйственные и профсоюзных кадров, культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний – ликвидировались. Вместо них впервые за всю историю партии образовывались отраслевые – промышленный, транспортный, сельскохозяйственный, планово-финансово-торговый, которые должны были осуществлять повседневное наблюдение за работой соответствующих наркоматов и ведомств. Сходными задачами наделялся и еще один отдел, политико-административный, призванный контролировать силовые

---

²⁷ XVII съезд... С. 28, 32.

²⁸ XVII съезд..., с. 34.

²⁹ XVII съезд..., с. 528–529.

органы: союзные – Наркомата по военным и морским делам, суд и прокуратуру, ОГПУ; республиканские – наркоматы внутренних дел, юстиции. Другую чисто партийную группу, составляли отделы культуры и пропаганды, Институт Маркса – Энгельса – Ленина (на правах отдела), руководящих партийных органов (ОРПО). Последнему отделу предстояло не столько наблюдать за работой, сколько, подбирать и представлять на утверждение ПБ кандидатуры на должности первых и вторых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, председателей совнаркомов союзных и автономных республик, край- и облисполкомов, согласовывать состав соответствующих центральных комитетов и бюро³⁰.

Тем самым, узкое руководство в лице ПБ с помощью вроде бы обычной, административной по характеру, реформы устанавливало абсолютный и, к тому же, вполне официальный – все перемены закреплялись новой редакцией устава партии, контроль над всеми без исключения наркоматами и комитетами.

Своеобразный «административный» переворот породило, без сомнения, стремление узкого руководства в полном соответствии с заветами великого немецкого стратега генерала Карла Клаузевица перед решающей схваткой прежде всего укрепить свои тылы. О том же свидетельствовала и необычная умиротворяющая позиция на съезде Сталина, всячески пытавшегося ничем не спровоцировать очередной раскол или какое-либо идеологическое противостояние. Сохранить в нем пусть чисто внешнее, но все же единство и согласие хотя бы на время, ибо Сталин остро нуждался в стабильности для того чтобы очень скоро осуществить крутой поворот курса партии и страны. Поначалу – во внешней политике, что являлось наиболее важным, первостепенным. А затем, вне всякого сомнения, должно было произойти и то, о чем предупредил Сталин. Смена широкого руководства, которое составили члены ЦК ВКП(б), главным образом первые секретари крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, главы общесоюзных и республиканских ведомств. Замена тех из них, кто обладал заслугами лишь в прошлом.

* * *

Делегаты съезда, давно привыкшие ко всевозможным реорганизациям, в том числе и партаппарата, видимо всерьез не задумались ни о заявлении Сталина о бюрократии как главном источнике всех трудностей, ни о предложении Кагановича. Единогласно утвердили предложенные им резолюции по обоим докладам, новый устав партии. Одобрили и предложенный им состав ЦК, существенно не отличавшийся от предыдущего.

Как и прежде, из 71 члена ЦК семнадцать (около 25 процентов) оказалась теми, кто и ранее входил в состав высших партийных органов, давно уже являлся членом или кандидатом в члены ПБ, секретарем ЦК: И. В. Сталин – генеральный секретарь, К. Е. Ворошилов – нарком по военным и морским делам, Л. М. Каганович – второй секретарь ЦК ВКП(б) и первый – МК и МГК, М. И. Калинин – председатель ЦИК СССР, С. М. Киров – первый секретарь Ленинградского обкома, С. В. Косиор – первый секретарь ЦК КП(б) Украины, В. В. Куйбышев – председатель Госплана СССР, В. М. Молотов – председатель СНК СССР, Г. К. Орджоникидзе – нарком тяжелой промышленности СССР, А. А. Андреев – нарком путей сообщения, Г. И. Петровский – председатель ЦИК УССР, П. П. Постышев – второй секретарь ЦК КП(б) Украины и первый – столичного Харьковского обкома, Я. Э. Рудзутак – председатель упраздненной съездом Центральной контрольной комиссии (ЦКК) при ЦК ВКП(б), В. Я. Чубарь – председатель СНК УССР, Я. Б. Гамарник – начальник политуправления РККА, А. В. Косарев – генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, Н. М. Шверник – председатель ВЦСПС.

Вторую по важности группу членов ЦК, 35 процентов от его численности, составили партийные функционеры рангом несколько ниже. Первые секретари почти всех региональных

---

³⁰ XVII съезд... С. 561–562, 672, 676.

партийных организаций: К. Я. Бауман – Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), Л. П. Берия – Закавказского крайкома, И. М. Варейкис – обкома Центральной черноземной области, Е. Г. Евдокимов – Северо-Кавказского крайкома, А. А. Жданов – Горьковского обкома, В. И. Иванов – Северного обкома, А. И. Икрамов – ЦК КП(б) Узбекистана, И. Д. Кабаков – Свердловского обкома, А. И. Криницкий – Саратовского обкома, Л. И. Лаврентьев – Дальневосточного крайкома, Л. И. Мирзоян – Казахстанского крайкома, И. П. Носов – Ивановского обкома, М. О. Разумов – Восточно-Сибирского крайкома, И. П. Румянцев – Западного обкома, К. В. Рындин – Челябинского обкома, М. М. Хатаевич – Днепропетровского обкома, Б. П. Шеболдаев – Азово-Черноморского крайкома, Р. И. Эйхе – Западно-Сибирского крайкома. Вторые секретари: К. И. Николаева – Ивановского обкома, Н. С. Хрущев – МК и МГК.

Руководители остальных, подчиненных непосредственно ЦК ВКП(б) региональных партийных организаций, ЦК КП(б) Белоруссии – Н. Ф. Гикало, Средне-Волжского крайкома – В. П. Шубриков, Нижне-Волжского крайкома – В. В. Птуха, Татарского обкома – А. К. Депа, Башкирского – Я. Б. Быкин, Крымского – К. А. Семенов, были избраны кандидатами в члены ЦК.

Ко второй же группе членов ЦК – партийных функционеров – следует отнести и заведующих ликвидированных отделов: А. И. Стецкого – культуры и пропаганды, Н. И. Ежова – распределительного, а также ответственных работников исполкома Коминтерна – В. Г. Кнорина, Д. З. Мануильского, И. А. Пятницкого.

Менее представительны выглядели в составе ЦК советские работники. Главы союзных наркоматов: О. С. Лобов – лесной промышленности, И. Е. Любимов – легкой промышленности, М. М. Литвинов – иностранных дел, Г. Г. Ягода – председатель ОГПУ, Я. А. Яковлев – земледелия, а также председатель правления Центросоюза И. А. Зеленский (в 1921–1924 годах первый секретарь МК, в 1924 – секретарь ЦК РКП(б), в 1925–1931 – председатель Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б)). Первые заместители наркомов союзных наркоматов: Н. К. Антипов – упраздненного съездом РКИ, И. П. Жуков – связи, М. М. Каганович и Ю.Л. Пятаков – тяжелой промышленности, К. В. Уханов – снабжения, В. И. Межлаук – председателя Госплана. Руководители республиканских структур: председатель СНК РСФСР Д. Е. Сулимов, его заместитель Д. З. Лебедь, нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов, полномочный представитель ОГПУ по УССР и председатель ГПУ УССР В. А. Балицкий³¹.

Именно они, а также и остальные, почетные вроде Н. К. Крупской и Г.М. Кржижановского, либо номинальные члены ЦК и 68 кандидатов в члены ЦК сразу же после закрытия съезда, в тот же день – 10 февраля, собрались на свой первый пленум 17-го созыва для того, чтобы образовать постоянно действующие, высшие органы партии. Однако и в его ходе новации не появились, ПБ избрали в том же составе, который сложился еще в декабре 1930 года: Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Сталин плюс кандидаты в члены ПБ – Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Чубарь. Лишь секретариат подвергся небольшим изменениям. В него, как и прежде, вошли Сталин и Каганович; новичками же в такой должности стали Жданов и Киров. Из их среды и сложилось неформальное узкое руководство. Его старый состав – Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, – пополнился Ждановым, что и превратило «пятерку» в «шестерку».

Сталин сохранил за собою общее руководство как председательствующий на заседаниях ПБ и секретариата, то есть право утверждать ту или иную повестку дня для них и определять степень готовности выносимых на их рассмотрение проектов решений. Схожие функции, но только применительно к СНК СССР, остались за Молотовым. Ворошилов, как и прежде, возглавлял то самое ведомство, которое со времен гражданской войны рассматривалось всеми

³¹ XVII съезд... С. 680–681.

как главная гарантия существования и безопасности советской власти – Наркомат по военным и морским делам. Орджоникидзе продолжал лично контролировать важнейшую в условиях индустриализации тяжелую промышленность, включавшую теперь и такие новые для страны отрасли, как авиационная, автомобильная, тракторная.

Двое членов узкого руководства согласно решению ПБ от 10 марта разделили между собой ответственность за народное хозяйство. Л. М. Каганович, оставаясь секретарем МК и избранный председателем новой лишь по названию Комиссии партийного контроля, за которой остались те же функции, которыми обладала прежняя ЦКК, получил дополнительно еще и должность заведующего транспортным отделом ЦК – стал куратором Наркомата путей сообщения и Главного управления дорожного транспорта при СНК СССР при заместителе Жданове, отвечавшем за водный транспорт.

Тому же Жданову, утвержденному поначалу еще и заведующим сельскохозяйственным отделом, вверили заботу обо всем аграрном секторе, то есть наркоматах земледелия, зерновых и животноводческих совхозов, комитете заготовок при СНК СССР. Затем, с 10 апреля, став заведующим другим отделом, планово-финансово-торговым³², получил контроль за деятельностью наркоматов финансов, внешней торговли, снабжения, Госбанка СССР.

* * *

Окончательно подотчетность отделов установили только 4 июня 1934 года, постановлением ПБ «О распределении обязанностей между секретарями ЦК». В соответствии с ним отдел культуры и пропаганды, особый сектор – канцелярия ПБ, возглавляемая А. Н. Поскребышевым, а также собственно ПБ оказались в ведении Сталина. За работу промышленного и транспортного отделов, КПК, ВЛКСМ и, вместе с тем, оргбюро ЦК стал отвечать Каганович, Жданов же должен был «наблюдать за работой» сельскохозяйственного, планово-финансово-торгового отдела, ОРПО, управления делами и секретариата ЦК³³.

Однако значение данного документа отнюдь не ограничивалось заурядной проблемой установления обычной четкой субординации в партийном аппарате, не оказалось ограниченным решением всего лишь чисто административных задач. В действительности, постановление установило двойной контроль за деятельностью всех без исключения наркоматов и ведомств, региональных структур. И сделало это самым простым способом – концентрацией вопросов подбора и расстановки кадров только в соответствующих отделах ЦК.

Ставшее несомненным усиление власти, сконцентрированной в руках сталинской группы, невозможно объяснить властолюбием Сталина. Несомненно, за этим стояло совершенно иное. Прежде всего, жесткая необходимость именно такого шага в условиях реальной военной опасности, угрозы весьма близкого по времени нападения на СССР одновременно с Западом и Востоком. А кроме того, сталинская группа неожиданно оказалась перед весьма сложной дилеммой. От нее требовалось, и притом незамедлительно, во всеуслышание подтвердить одно из двух. Либо верность идеям мировой революции, но в таком случае предстать перед западными демократиями двуличными политиками, доверять которым ни в коем случае нельзя. Либо столь же открыто отречься от вчерашних принципов, окончательно отказавшись от тех идей, который продолжали исповедовать Троцкий и его сторонники.

---

³² XVII съезд... С. 680–681.

³³ Сталинское Политбюро 30-х годов. М., 1995, с. 141–142.

Часть 3

Подготовка страны к радикальной смене курса

За год перед тем в Австрии, так и не оправившейся от экономического кризиса, произошёл государственный переворот. Канцлер Энгельберт Дольфус, лидер правящей христианско-социальной партии, в марте 1933 года распустил парламент, в апреле запретил Шуцбунд (Союз обороны) – военизированную социал-демократическую организацию, а в мае – компартию. В августе объявил о создании по сути реваншистского, антиверсальского по целям блока с Венгрией под эгидой фашистской Италии, а в начале 1934 года подготовил проект новой конституции, которая должна была превратить Австрию в авторитарное государство, корпоративные основы которого исключали существование каких-либо политических партий.

В ответ компартия 11 февраля призвала страну к всеобщей забастовке, а рабочих – к оружию. Вице-канцлер поспешил использовать это воззвание как неоспоримое подтверждение существования «марксистско-большевистского заговора» и ввел осадное положение, рабочие же, – и шуцбундовцы, и коммунисты, – начали возводить баррикады на улицах Вены, Линца, Брука и Граца. Однако их силы оказались слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление армии, полиции, жандармерии, и вдобавок отрядам Хеймвера (Союза защиты родины) – военизированной христианско-социальной организации. Бои, унесшие жизни тысячи двухсот человек, продолжались всего четыре дня и закончились поражением повстанцев. Около одиннадцати тысяч их было арестовано, руководители боевых дружин К. Мюнихрайтер, Г. Вейсель, К. Валиш и некоторые другие казнены. Лидер австрийской социал-демократии и один из руководителей Социинтерна Отто Бауэр и командующий Шуцбундом Юлиус Дейч вынуждены были эмигрировать. Несколько сот шуцбундовцев с боями сумели пробиться в Чехословакию, где их интернировали.

Казалось, прямой долг большевиков требовать от ЦК ВКП(б), исполкома Коминтерна незамедлительно выступить в поддержку братьев по классу, первыми в Европе после 1923 года сделавшими попытку начать пролетарскую революцию. Однако никаких обращений, заявлений, воззваний, даже слов простой моральной поддержки так и не появилось. В СССР все ограничилось лишь публикацией никак не отражавших позицию советского руководства телеграмм ТАСС с обязательной ссылкой на телеграфные агентства Чехословакии, Швейцарии, даже Германии о развитии событий в Австрии. Правда, эти публикации размещались на первых полосах газет, да еще под подчеркнута антифашистскими по смыслу «шапками» – «Бои между рабочими и фашистами в Австрии», «Вооруженная борьба австрийских рабочих против фашизма», «Рабочие Австрии героически продолжают вооруженную борьбу против фашизма», «Рабочие кварталы Вены в огне и крови»³⁴.

Общим для всех без исключения материалов, опубликованных советской прессой в связи с боями в австрийских городах, стало сознательное, преднамеренное акцентирование внимания читателей на том, что выступление рабочих организовал Шуцбунд, а поражение было вызвано предательством вождей социал-демократии. Участие и роль коммунистов в боях сознательно замалчивалось.

Столь осторожно пройдя между Сциллой и Харибдой большой политики, узкое руководство СССР смогло вернуться к решению самой важной для себя задачи – подготовки партии и страны к радикальной смене курса. Но для того попыталось укрепить все еще весьма непрочное единство в ВКП(б), консолидировав наиболее активных членов ее. Постаралось сделать безусловными союзниками тех, кто в глубине души оставался сторонником давних лидеров:

---

³⁴ Правда. 1934, 13, 14, 15 и 16 февраля.

Троцкого, Зиновьева, Бухарина. Выразились же действия по единению в традиционных, вполне приемлемых для обеих сторон кадровых решениях. Назначениях подвергшихся ранее опале на такие посты, которые если и не возвращали во власть, то, безусловно, приближали к ней.

* * *

Начались такие назначения в самом конце 1933 года, дабы видные оппозиционеры смогли выступить с покаянно-панегирическими речами на XVII съезде партии. Левые – Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В.А Преображенский, К. Б. Радек; правые – Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, признали окончательную правоту Сталина, верность предложенному генеральному курсу³⁵.

Поздней осенью 1933 года возвратили в Москву из второй ссылки Зиновьева и Каменева. В декабре их восстановили в партии и одновременно предоставили ответственную работу. Зиновьева утвердили членом редколлегии теоретического органа партии журнала «Большевик», а Каменева – директором книжного издательства «Academia» и по совместительству еще директором Института мировой литературы и только что созданного Литературного института³⁶.

Еще раньше, в середине 1933 года, подыскивали вполне приемлемую должность и для одного из самых активных сторонников Троцкого, Радека, который после восстановления в рядах ВКП(б) в 1930 году прозябал в редакции газеты «Известия». Его назначили заведующим созданного специально под него Бюро международной информации (БМИ). А 19 мая 1934 года, отнюдь не по забывчивости, ПБ вторично приняло решение о БМИ. Подтвердило поставленную перед ним задачу – подготовку регулярных оперативных сводок о политической ситуации в странах Европы, Азии и Америки – и повысило статус: теперь БМИ действовало при ЦК³⁷.

Столь же радикально изменило узкое руководство и судьбу Бухарина, вынужденного с конца 1929 года довольствоваться чуждой его знаниям и интересам работой в ВСНХ – НКТП. Решением ПБ от 20 февраля 1934 года по предложению Сталина его назначили ответственным редактором второй по значимости в стране газеты – «Известий»³⁸. А вскоре, 18 марта, последовало решение и по Н. А. Угланову, еще одному из лидеров правого уклона. Ранее его не только исключили из партии по делу Рютина и его организации, но и выслали из столицы: сначала в Астрахань, а затем и в Тобольск. Но прощение Угланова было, в отличие от Бухарина, далеко не полным. Его только восстановили «в рядах ВКП(б) – отменив перерыв пребывания вне партий с 9.X.32 по 10.III.34», и потому предложили «Обь-Иртышскому обкому ВКП(б) выдать т. Угланову партбилет»³⁹.

В еще более сложном положении оказался Х. Г. Раковский, в прошлом весьма активный и убежденный троцкист, возглавлявший правительство УССР в 1919–1923 годах, а затем находившийся в почетной ссылке полпредом СССР в Великобритании и Франции. Из Новосибирской области, где он пребывал в уже настоящей ссылке, он 5 марта (весьма возможно, узнав о переменах в положении Зиновьева, Каменева и Бухарина) направил в ПБ просьбу о восстановлении и его в партии. Поначалу, 13 марта, узкое руководство отклонило ее, но изменило свое решение, получив 17 марта еще одно письмо Раковского следующего содержания:

³⁵ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 492–497, 516–521, 236–238, 627–628, 124–128, 209–212, 249–251.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 944, л. 42.

³⁷ Кен О. Н., Рунцов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. СПб., 2000, с. 566–568, 574.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 939, л. 2.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 941, л. 20.

«ЦК ВКП(б) заверяю, что полностью и целиком разделяю генеральную линию партии, категорически исключаю всякую мысль оставить за собой какие-либо лазейки и бесповоротно порываю с контрреволюционным троцкизмом. Если мне разрешили бы выехать в Москву, я придал бы моему заявлению ту форму и содержание, которое бы целиком удовлетворило ПБ ЦК ВКП(б)». Такое послание тут же получило одобрительную резолюцию Сталина: «По моему, можно разрешить Раковскому приезд в Москву»⁴⁰.

18 апреля в «Правде» на второй и третьей полосах полуторным подвалом было опубликовано «Заявление Х. Раковского в Центральный комитет ВКП(б)». В ней же содержалось все, что необходимо было узкому руководству. «Под влиянием международных событий, – писал Раковский, – в моем сознании созрела мысль о том, что я должен снова и внимательно проверить основание моих разногласий с партией и, осознав свои ошибки, добиться возвращения в ряды борцов за осуществление задач, возложенных историей на партию большевиков-коммунистов. В течение почти семи лет я боролся с генеральной линией, боролся страстно, самообольщаясь тем, что мои взгляды правильны. Теперь мое заблуждение для меня ясно». 22 апреля ПБ предложило КПК рассмотреть вопрос о партийной принадлежности Х. В. Раковского⁴¹

---

⁴⁰ Там же, л. 21, 40; оп. 163, д. 1016, л. 143.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, оп. 3, д. 944, л. 17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.